

Янь Фуи не сопротивлялся — да и не мог.

Его изнуренное за последние дни тело уже давно балансировало на грани полного истощения.

Каким бы гением ни был двадцатилетний мечник, едва достигший ступени Золотого Ядра, перед лицом почтенных старейшин с их тысячелетним духовным опытом он оставался лишь беззащитным ребенком.

Но главное — Фуи не желал рисковать. Он не мог допустить, чтобы эта долина пострадала еще сильнее.

Под тяжелым, намеренно давящим духовным давлением главы ордена он не сумел надолго сохранить ясность рассудка и вскоре провалился в беспросветный мрак, разрываемый волнами боли.

Очнувшись, он обнаружил, что стоит на коленях посреди парящего помоста.

Вокруг простиралась лишь глухая пустота. За его спиной высился исполинский меч, вонзавшийся острием в небеса и уходивший рукоятью глубоко в недра земли. С гарды этого колосса свисали тяжелые цепи; они намертво стягивали запястья пленника, вздернув его руки вверх. При необходимости эти звенья служили проводниками для небесной кары — грозových разрядов, призванных карать вероотступников.

С трудом приподняв голову, Янь Фуи скользнул взглядом по угольно-черным цепям — они уходили в поднебесье, теряясь в облаках.

Здесь, на Террасе Испытания Совести ордена Куньлунь, чувства и восприятие грешника запечатывали в границах этого крошечного клочка земли. Отсюда нельзя было увидеть даже вечные снега Куньлуня.

Впрочем, онемение чувств приносило своеобразное облегчение: терзавшая душу пустота сделалась тупой, едва ощутимой. Он растерянно приоткрыл глаза. Потребовалось немало времени, чтобы по крупицам восстановить в памяти события, предшествовавшие беспомощности.

Возвращаться мыслями к пережитому не хотелось, и он попытался переключиться — через образ холеного лица Ли Цинхэ, промелькнувшего перед самым обмороком, вспомнить его старшего брата, Ли Фуюя.

Сына главы ордена, в чьей гибели все винили «неисправимого негодяя» Янь Фуи.

Ведь до этой трагедии именно Ли Фуюй носил звание Старшего шисюна Куньлуня.

В отличие от своего преемника, успевшего стяжать дурную славу, погибший шихэн был подобен сияющей луне в ночной выси или девственному снегу на вершинах гор. Происхождение, благородство души, безупречный облик и редкий талант — в нем воплощалось все лучшее, чем могло гордиться молодое поколение заклинателей. К нему невозможно было придраться.

На груди Янь Фуи едва заметно нагрелась подвеска. Ему отчаянно захотелось сжать в кулаке этот крошечный ледяной кристалл, но скованные руки не повиновались.

В недолгой памяти Фуи, если не считать смутного образа матери из раннего детства, Ли Фуюй оставался единственным, кто относился к нему с искренним теплом.

Но над ним, должно быть, висело проклятие: каждый, кто проявлял к нему доброту, рано или поздно погибал лютой смертью.

«Будь шихэн жив, — тоскливо подумал он, — нашелся бы хоть один человек, готовый выслушать мои оправдания»

«Впрочем... хорошо, что его нет рядом. Увидев меня в столь жалком положении, он бы непременно измучился от жалости»

При этом Фуи так и не мог взять в толк, в чем же его вина. Он ведь не совершил ничего дурного.

Сквозь полузабытьё до него долетел шорох легких шагов. Кто-то приблизился, выступив из окутавшего террасу беспросветного мрака, и бесцеремонно вздернул его подбородок двумя пальцами.

Раздался чистый, звонкий голос:

— Наш Старший шисюн сегодня выглядит на редкость жалко.

Лишенный зрения Янь Фуи не мог разглядеть гостя. Он чувствовал лишь прикосновение ледяных пальцев и то, как острые ногти больно впиваются в его кожу.

Это был Ли Цинхэ.

Юноша пристально всматривался в красивые, но подернутые пеленой глаза пленника. Фуи все равно был ослеплен чарами террасы, так что скрывать истинные чувства и нацеплять маску фальшивого дружелюбия больше не требовалось.

«Выколоть бы их, — промелькнула у Цинхэ мимолетная мысль. — Такие глаза и без тела

смотрелись бы изумительно»

— Цинхэ, — тихо выдохнул Янь Фуи. Его невидящий взгляд блуждал в пустоте, но голос звучал на удивление мягко. — Мы не виделись пять лет. Ты повзрослел.

Пять лет назад, когда нелепая гибель Ли Фуюя перевернула все в ордене Куньлунь, а убитый горем глава затворился в уединенной медитации, Ли Цинхэ улыбнулась невиданная удача. На него обратили внимание старейшины Горы Неоставления — могущественной обители, возглавлявшей союз праведных сект.

В Девяти Провинциях существовали тысячи школ, но лишь Гора Неоставления веками удерживала неоспоримое первенство.

И дело было не только в хранящемся там Каноне Небесной Оси, тайном искусстве высшего порядка. Молва гласила, что основатель этой обители до сих пор пребывает в мире смертных — единственный уцелевший Золотой Бессмертный на всем континенте.

Ли Цинхэ посчастливилось примкнуть к этой великой школе. Пусть он числился рядовым учеником и никогда в глаза не видел древнего предка-основателя, для скромного ордена Куньлунь его успех стал поводом для безграничной гордости. И Янь Фуи искренне радовался за шиди.

Однако при этих словах лицо Ли Цинхэ мгновенно исказилось от ярости. Он замахнулся и наотмашь ударил прикованного юношу по лицу.

— Заткнись! Ты еще смеешь произносить мое имя?!

Голова Янь Фуи мотнулась в сторону. Только благодаря натянутым стальным звеньям он не рухнул ничком, продолжая покачиваться на коленях. Издав глухой кашель, он почувствовал, как по подбородку потекла теплая струйка крови. Сил, чтобы вытереть ее, не было.

Впрочем, злость Ли Цинхэ была, пожалуй, единственной вещью во всем мире, которую Фуи понимал и готов был сносить безропотно. Ведь в глазах юноши именно он отнял жизнь у его старшего брата.

Окажись сам Янь Фуи на его месте, имей он перед собой виновника гибели любимого человека — возможно, его собственная месть была бы куда страшнее.

Но у него не было права даже на гнев. Все улики указывали на него. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит: он, Янь Фуи, — единственный виновник трагедии.

— Цинхэ, — раздался другой, мягкий и вкрадчивый голос, — наш старший брат просто оступился. Он совершил это в помутнении рассудка.

Янь Фуи внутренне содрогнулся. До этого момента он и не подозревал, что в полумраке скрывается кто-то еще, пока не услышал голос Янь Тиншуана.

Тиншуан тяжело, сокрушенно вздохнул:

— Глядя на тебя, сердце кровью обливается, Старший шисюн. Почему даже сейчас, на пороге кары, ты упрямо отказываешься признать вину?

Янь Фуи промолчал, лишь едва заметно приподнял лицо.

На его плечо легла ладонь. Тиншуан опустился рядом на колени и приблизил свое лицо к лицу брата, заговорив с оттенком обиды, словно пострадавшим в этой ситуации был он сам:

— К чему весь этот спектакль, Старший шисюн? Зачем ты довел себя до такого состояния? Перед кем ты тут разыгрываешь жертву?

Фуи вздрогнул. Его ресницы, похожие на крылья бабочки, затрепетали. Незрячие глаза инстинктивно дернулись в сторону, словно пытаясь отыскать лицо говорившего, но тут же вновь устали в пустоту.

— Пытаешься разжалобить учителя? Или хочешь, чтобы меня замучила совесть? — В приглушенном шепоте Тиншуана прозвучала неподдельная досада. — Решил отомстить мне за то, что произошло в тайной обители Цзэу? Подумаешь, я просто хотел немного привлечь внимание учителя, стоило ли из-за этого затаить на меня обиду? Я ведь из лучших побуждений посоветовал тебе навестить дядю-главу ордена! А ты устроил такое светопреставление, что теперь весь наш орден на ушах стоит. Мало того, ты ухитрился впутать сюда Долину Короля Демонов!

— Ты сам во всем виноват, — с ядом в голосе отрезал его родной брат. — Даже не думай перекладывать вину на меня.

Вздернутые кверху бледные пальцы Янь Фуи судорожно сжались, костяшки побелели от напряжения.

Он тихо произнес:

— Я этого не делал.

У него и в мыслях не было таить злобу на Тиншуана, он не собирался раздувать этот скандал, и уж тем более не совершал того, в чем его обвиняли перед Молодым господином расы демонов.

Но его тихий, бесцветный голос мгновенно унес яростный вихрь, гулявший по Террасе

Испытания Совесть. Никто не стал вслушиваться в эти слова.

Порой Фуи искренне поражался: в глазах окружающих он неизменно представлял коварным интриганом, строящим хитроумные козни. Вот только о мотивах собственных «злодеяний» он всякий раз узнавал лишь из уст своих обвинителей.

Он умолк на мгновение, собираясь с силами. Когда он заговорил вновь, его голос звучал ровно и спокойно:

— Насколько все плохо?

Дело определенно приняло скверный оборот. Иначе Ли Цинхэ не пришел бы сюда, сияя от злорадства, чтобы лишний раз поиздеваться над поверженным врагом, а Янь Тиншуан вряд ли вспомнил бы о существовании своего порочного брата.

Ли Цинхэ хмыкнул:

— Демонический достопочтенный Красного Лотоса требует твоей смерти.

Демонический достопочтенный Красного Лотоса — правительница Долины Короля Демонов, величайшая из ныне живущих демонов. Ходили слухи, что три года назад бесследно исчез ее единственный и горячо любимый сын. Бесплодные поиски подкосили могущественную владычицу: несмотря на высочайший уровень совершенствования, она от горя поседела за одну ночь.

Янь Фуи удивленно моргнул, а затем... тихо рассмеялся.

Он почти никогда не улыбался. Все ученики Куньлуня знали Старшего шисюна как человека сурового, неприступного и холодного точно лед. Последние пять лет, пока глава пребывал в уединении, Фуи единолично руководил Залом Дисциплины. Он держал в железной узде весь орден, и никто не смел перечить его воле.

Но сейчас, когда на его устах заиграла слабая улыбка, холодная маска словно раскололась, обнажив ослепительную красоту. Словно драгоценный нефрит озарился изнутри мягким сиянием, а сквозь тучи проглянуло солнце.

Ли Цинхэ невольно затаил дыхание, пораженный этой переменой.

Янь Фуи тихо спросил:

— Если я умру... вы наконец станете счастливы?

Он не удержался от этого наивного вопроса. То ли в глубине его души все еще теплилась глупая надежда, то ли ему просто хотелось узнать, связывает ли его с этим миром хоть что-то. Ему действительно было любопытно.

Если бы он сгинул навсегда, принесло бы это облегчение всем остальным?

У Янь Тиншуана перехватило дыхание. Его голос сорвался на визг:

— Что ты несешь?!

В груди Тиншуана шевельнулся липкий страх, в котором он ни за что не признался бы самому себе.

— Ты ведь издеваешься, Янь Фуи?! Специально это делаешь?!

— Непременно нужно уколоть нас побольнее?! Сам совершил кучу злодеяний, а теперь корчишь из себя невинную жертву, будто весь мир перед тобой виноват! Хочешь, чтобы при одном упоминании твоего имени у нас кость в горле застревала? Ты заслужил эту кару, но все равно пытаешься навязать нам чувство вины за то, что мы тебя не спасли!

Хм.

Фуи мысленно усмехнулся. Он ведь еще дышит, но из уст родного брата эти слова звучали так, словно его уже похоронили.

И даже после кончины он не удостоится ни капли сочувствия. О нем постараются поскорее забыть. Что ж, прошу прощения за то, что моя жизнь оказалась столь никчемной.

— Сяо Шуан, — негромко произнес Янь Фуи, — я все еще здесь. Я жив.

Тиншуан осекся. Внезапно осознав, какую неприкрытую злобу только что выплеснул наружу, он задрожал всем телом.

Нет... он не чудовище. Он не злой. Это все Янь Фуи — его невыносимый, порочный характер довел его до белого каления...

— И все это благодаря Шиди Сяо!

В запальчивости Тиншуан сболтнул лишнего:

— Если бы он не спас Молодого господина расы демонов, глава ордена ни за что не стал бы

выгораживать тебя перед разъяренной владычицей!

Опять Сяо Фэн.

Янь Фуи виделся с этим человеком всего несколько раз в жизни и искренне не понимал, откуда в юноше взялась эта маниакальная страсть — во что бы то ни стало втоптать его в грязь.

Этот противник каким-то непостижимым образом знал о нем абсолютно все: его уязвимости, привычки, даже самые тайные маршруты.

Порой Фуи казалось, что он противостоит не обычному живому человеку, а какому-то всеведущему призраку.

Внезапно над их головами с оглушительным треском вспыхнула ослепительная молния. Фуи услышал испуганные вскрики — его ночных посетителей швырнуло в стороны защитным барьером. Он заставил себя поднять голову навстречу режущему глаза белому сиянию.

Началось. Самая суровая кара Террасы Испытания Совесть — Девятикратная Грозовая Кара.

Янь Фуи медленно, очень медленно выдохнул.

Иного исхода и быть не могло.

Глава ордена не мог позволить ему умереть, но и оставлять безнаказанным не собирался. Эта попытка стала компромиссом, к которому пришли старейшины после долгих споров с расой демонов.

Сяо Фэн рассчитал все идеально: раскрыв правду о Молодом господине расы демонов как раз к моменту выхода главы из затвора, он преподнес Дхармическому достопочтенному Божественного Звука поистине бесценный подарок.

Без лишних слов, без оглашения приговора и права на последнее слово — лишь колоссальный грозовой столп, притянутый исполинским клинком, с оглушительным ревом обрушился прямо на террасу.

— ...

Хрупкая фигура, зажата в самом центре помоста, содрогнулась от мощнейшего удара. Электрические разряды прошли его тело насквозь, заставив выгнуться дугой, словно подстреленная в небесах птица.

От нечеловеческой мощи разряда цепи, удерживавшие его запястья, с грохотом натянулись. По стальным звеньям побежали холодные искры защитных заклинаний, стягивая путы еще сильнее и намертво пригвождая осужденного к каменным плитам.

У подножия террасы, задрав головы, стояли сотни учеников Куньлуня. Особняком держались мастера с Пика Меча. Даже эти немногословные, привыкшие сдерживать чувства воины сейчас не могли скрыть ужаса на лицах.

Однако в самомпереди высился Достопочтенный Меча Вопрошающий Небо. Его суровое лицо оставалось неподвижным, а взгляд — равнодушным и холодным.

Никто не посмел проронить ни звука.

Девятикратная Громовая Кара не знала пощады. Каждая новая молния была быстрее и беспощаднее предыдущей, лишая возможности сделать хотя бы вдох.

Ослепительные волны бушующей энергии расходились от центра помоста.

Тело Янь Фуи забилося в судорогах. Из его груди вырвался хриплый, задушенный стон. На темной ткани одеяний проступали влажные пятна — кровь сочилась из разрывов на коже, мгновенно впитываясь в плотный шелк и скрывая от чужих глаз масштабы его мучений.

Даже во взгляде Ли Цинхэ промелькнула мимолетная тень жалости.

Но он упрямо прикусил губу, заставляя себя смотреть.

Его брат лишился жизни. По сравнению с этим, муки предателя, погубившего его близкого человека, казались ничтожной платой.

Поначалу Янь Фуи еще находил в себе силы терпеть, но вскоре его сознание окончательно померкло. Он даже не понимал, кричит он или безмолвно сносит удары.

Скорее всего, молчал. Истерзанное, превращенное в сплошную рану тело едва ли могло издать хоть какой-то звук.

Яростная молния бесчинствовала в его каналах ци, выжигая меридианы и, наконец, добравшись до самого сокровенного — разрывая священную связь между хозяином и его духовным зверем. Кровный контракт, который должен был связывать их до гробовой доски, затрещал под натиском стихии.

То было древнее соглашение, скрепленное в тот день, когда маленькая змейка пригубила кровь из самого сердца Янь Фуи. Клятва верности, не знавшая предательства, теперь рассыпалась в

прах.

В этот же миг Молодой господин расы демонов, вновь обретший былое величие, но лишившийся воспоминаний о последних трех годах жизни, стоял подле своих царственных родителей. Он равнодушно взирал на казнь преступника.

Однако в его груди внезапно образовалась щемящая пустота.

Казалось, он только что лишился чего-то невероятно ценного. Чего-то, без чего его собственная жизнь теряла всякий смысл.

С грохотом разорвались сковывавшие его цепи. Кара завершилась. Янь Фуи обессиленно рухнул лицом в каменные плиты. Его пальцы судорожно дернулись, но он не сумел даже приподняться.

Его разум заволокло странной, белесой дымкой. Он лежал с открытыми глазами, содрогаясь от невыносимой боли в разрушенных меридианах, но вокруг царила лишь глухая, непроглядная мгла.

Даже едва уловимое тепло, исходившее от ледяного кристалла на груди, окончательно угасло.

«Шихэн...»

«Фуи больше не может бороться. Я больше не хочу заботиться о них»

«Хорошо?»

<http://bllate.org/book/20278/2108395>